

Ольга Абакумова

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

Россия

<https://orcid.org/0000-0001-9488-1440>

Воспроизводимость семантики и структуры пословицы при ее употреблении в художественном тексте

Аннотация. Статья посвящена проблемам воспроизводимости пословиц в художественном тексте. Существуют разные взгляды на природу пословиц и их языковой статус: одни исследователи считают их прецедентными текстами, другие – прецедентными высказываниями. Но языковой статус не имеет значения, когда речь идет о функционировании языковых единиц в тексте. Автор статьи дает анализ существующих точек зрения на воспроизводимость вообще и предлагает читателю рассмотреть некоторые результаты анализа воспроизводимости семантики и структуры пословиц на примере произведения В. Высоцкого *Правда и ложь*. Используя свою когнитивно-дискурсивную модель актуализации смысла пословицы в дискурсе на данном материале, автор приходит к следующим выводам. Элементы семантической структуры пословицы, в первую очередь традиционные образные предикативные и атрибутивные сочетания, целенаправленно повторяющиеся в соответствующих контекстах в художественном тексте, вызывают в сознании читателя, носителя данной культуры, определенные образы и фреймы, которые с опорой на обобщенный фрейм, символы и установки культуры, способствуют восстановлению базовой формы пословицы в силу ее прецедентности. Количество пословиц, которые носитель языка способен восстановить и воспроизвести, зависит от его культурной компетентности и знаний в области народного фольклора.

Ключевые слова: *воспроизводимость, пословица, прецедентные феномены, художественный текст, когнитивно-дискурсивная модель актуализации смысла пословицы в дискурсе*

1. Введение

В.П. Жуков так определял пословицу: “Под пословицами в широком смысле мы понимаем краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный (образный) план или только пе-

реносный план и составляющие в грамматическом отношении законченное предложение” (Жуков 1991: 11). Поговорками он назвал краткие народные изречения, имеющие только буквальный смысл. Между поговорками и поговорками находятся переходные единицы – пословично-поговорочные изречения, в составе которых часть слов используется в прямом, а часть в переносном смысле. Единицы с открытой структурой типа *глаза на лоб лезут (у кого)* он относит к фразеологизмам. Пословицы и поговорки как законченные предложения при таком подходе в состав фразеологии не включаются. Другие исследователи (Кунин, Добровольский, Баранов 2010) рассматривают пословицы в составе фразеологии. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, например, определяют пословицы как фразеологизмы со структурой предложения, обобщенным значением и дидактической функцией и говорят о сложности (даже невозможности) разграничения пословиц и поговорок. Г.А. Пермяков указывает на тройственную природу пословиц, которые одновременно указывают и называют ситуацию, являются языковым знаком, художественным текстом и логическим суждением одновременно, он предлагает выделить для них отдельный паремиологический уровень в структуре языка (Пермяков 1975: 251).

Н. Норрик понимает пословицу как знак и как фольклорный текст одновременно и описывает ее как косвенный речевой акт, поскольку утвердительное по форме пословичное высказывание может быть императивным по своей иллокутивной силе (Norrik 1994).

В работе Л.Б. Савенковой *Русская паремиология* (2002) дается определение пословицы как языкового знака с элементами иконизма, включающего текстовые характеристики. Она замечает: “Во вторичном языковом знаке, в том числе пословичном, видимо, означающее не тождественно форме. В пословичном знаке в положении означающего оказывается дискурсивный, речевой знак (переменное предложение, составляющее в соединении своей формы и значения деривационную базу пословицы), так как именно он используется для передачи пословичного значения” (Савенкова 2002: 93).

Анализируя английские фразеологизмы с точки зрения их использования в художественном тексте, А. Насиционе предлагает использовать следующие основные понятия: базовая форма (base form), ядерное употребление (core use) и инстанциальное употребление (instantial form), под которым понимается конкретное стилистическое использование фразеологизма в дискурсе, которое приводит к изменениям его формы и значения под влиянием контекста (Naciscione 2001). Инстанциальное употребление – безграничный ресурс для творческой деятельности говорящего

го или пишущего. Автор выделяет основные модели инстанциального использования ФЕ в художественном тексте, основанные на таких его характеристиках, как когезия и когерентность: развернутая метафора, каламбур, расщепление, аллюзия.

Мы определяем пословицу как гибридный знак с текстовыми характеристиками и прагматическими функциями, имеющий структуру предложения и используемый как тактическое средство реализации определенной коммуникативной стратегии говорящего (Абакумова 2012).

Художественный текст понимается в данной статье как возникающее из специфического (эгоцентрического) внутреннего состояния художника душевное чувственно-понятийное постижение мира в форме речевого высказывания (см. Адмони 1994), которое осуществляется средствами национального языка, отражающего как универсально-человеческий, так и национально-культурный опыт народа.

2. Понятие воспроизводимости

Предметом исследования в нашей статье является понятие воспроизводимости. Приведем несколько определений воспроизводимости и обоснуем выбор нашего понимания термина.

В своем понимании воспроизводимости исследователи часто исходили в основном из традиций системно-структурного подхода, пользуясь его понятийным аппаратом и методологическими ресурсами. Наша трактовка воспроизводимости выходит за рамки традиционной, вытекающей из дихотомии “язык – речь” и наделяющей данным свойством лишь “канонические” единицы языка (слова, фразеологизмы и т.п.). Мы придерживаемся позиции, что “воспроизводимостью могут обладать и обладают самые разные единицы, в том числе и те, которые традиционно считаются производимыми, т.е. создаваемыми в речи путем свободного комбинирования других единиц. Ведь создаются они с учетом определенных ограничений концептуального, социального и языкового характера, создаются как средство для выполнения некоторой функции, и это средство может быть востребовано не один раз” (см. напр. Шеко-тихина 1996: 9).

К воспроизводимым сочетаниям помимо классических фразеологизмов относят выражения, которые в разных источниках трактуются либо как разновидности ФЕ, либо как свободные словосочетания, либо как сочетания особого рода: *традиционные сочетания* (А.И. Смирницкий), *слитные речения* (Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов), *составные терми-*

ны (В.В. Виноградов), фразеологические выражения (Н.М. Шанский), лексикализованные сочетания (С.И. Ожегов), аналитические слова (О.С. Ахманова), аналитические наименования (Э. Лотко), аналитические лексические коллокации (В.Н. Телия), фраземы, или фразеоматические сочетания (Н.А. Амосова, И.П. Сусов, А.В. Кунин), развернутые устойчивые номинации (В.И. Макаров), устойчивые фразеоматические сочетания (Е.Г. Беляевская), устойчивые словосочетания нефразеологического характера (Н.Е. Котлер), номинемы (В.М. Никитевич), коллокации (Е.Г. Борисова), синлексы (Г.И. Климовская) и др.

В рассматриваемую область единиц входят и “связанные” синтаксические конструкции, именуемые также устойчивыми синтаксическими конструкциями, почти фразеологизированными конструкциями, фразеосхемами, синтаксическими фразеологизмами, синтаксическими идиоматизмами и т.п. (Д.Н. Шмелев, В.А. Архангельский, Н.Ю. Шведова, Т.А. Тулина, Т.В. Булыгина и др.). К подобным конструкциям относят построенные, организующим центром которых является либо застывшая форма, оторвавшаяся от парадигмы соответствующего слова и в той или иной степени утратившая свое лексическое и категориальное значение (например, форма “чем” в конструкции *Чем не жених?*), либо грамматическая форма, оторвавшаяся именно в грамматическом плане от соответствующей парадигмы и детерминирующая структуру предложения (*Всем молодцам молодец; Без тебя и праздник не праздник*).

Исследователи также указывают на воспроизводимость коммуникативных структур (актуального членения) предложений, в которых “за каждым синтаксически охарактеризованным компонентом предложения или лексической единицей закрепляется определенная коммуникативная роль” (Янко 1995: 158).

Феномен воспроизводимости охватил, по выражению В.И. Телии, “территорию” прецедентных текстов и прецедентных феноменов в целом (Телия 2005: 4). Под воспроизводимостью в данном случае понимается “(потенциально) частотная возобновляемость того или иного феномена в процессе общения (как непосредственного, так и дистанцированного во времени и пространстве)” (Красных 2016: 122). Таким образом, свойство воспроизводимости проявляют “не только устойчивые языковые или дискурсные единицы (т.е. те единицы, которые, как правило, имеют свои собственные «тела знаков» – фразеологизмы, некоторые прецедентные феномены и под.), но и свободные, «знаково нефиксированные» апелляции к фиксированным в сознании образно-смысловым структурам (к таковым можно отнести некоторые дискурсные единицы – прецедентные феномены и стереотипы, не имеющие «фиксированного име-

ни», а также феномены несколько иной природы, например, эталоны и символы)» (Красных 2016: 123).

Можно также говорить о воспроизведении *типичных стратегий, тактик, ходов, приемов* в речевом (коммуникативном, дискурсивном) поведении личности, когда она [личность] следует определенным речеповеденческим образцам (моделям, формату) в соответствии с существующими нормами, традициями (Г.П. Грайс, Дж. Лич, И.А. Стернин, Е.Ю. Прохоров, В.И. Карасик, Л.В. Куликова и др.).

В целом можно сказать, что даже такие крупные и сложноорганизованные объекты, как текст и дискурс, обладают способностью к воспроизведению. Однако в зависимости от природы объекта данное свойство проявляет себя по-разному. В принципе, воспроизводимость понимается как способность к повторению в одном и том же виде, как способность к извлечению из памяти в качестве готового (а не создаваемого) средства. Как отмечает И.Н. Щекотихина, «готовый вид не означает буквальность, неизменность единицы (средства) в каждом случае использования, а некоторое *постоянство основных характеристик* в пределах ее вариативной области» (Щекотихина 1996: 21).

Если же мы взглянем на явление воспроизводимости с когнитивной и/или психофизиологической точки зрения, то увидим, что «готовность» языковых знаков обусловлена особенностями человеческой лингво-когнитивной деятельности. Индивид хранит в памяти переработанный речевой опыт в виде «следов» употребления языковых знаков, так называемых паттернов активации (энграмм в нейрофизиологии), компоненты которых объединены довольно прочными связями, актуализируемыми единым комплексом. Такой след, как живое знание (по В.П. Зинченко), представляет собой «процесс и результат взаимодействия телесного и духовного, перцептивного, когнитивного, аффективного, вербального и невербального, индивидуального и социального опыта» (Н.О. Швец 2005: 46). Сила связи между компонентами определяет степень «монолитности» следа и возможность воспроизведения языкового знака в единстве всех его составляющих и характеристик.

Возможность удержания в памяти крупных языковых/речевых образований обусловлена способностью мозга реагировать на однотипные комплексные воздействия среды не как на ряд отдельных изолированных раздражителей, а как на целостную систему (см. работы И.П. Павлова, А.А. Ухтомского, П.К. Анохина, Е.Н. Соколова, К.В. Судакова и др.). Таким образом, в нейронной сети замыкается «сильная» временная связь, образуя взаимно подкрепляющую группу узлов, функционирующую по принципу динамического стереотипа, т.е. способную

воспроизводиться в полном объеме при наличии даже ограниченного числа стимулов, бывших актуальными на момент его формирования. Сила связи зависит как от характеристик стимула, так и от внешних факторов (коммуникативная/функциональная прецедентность стимула, его значимость (объективная и субъективная), естественность связи вещей в объективной реальности и пр.) (см. Щекотихина 2017).

В концепции Б.М. Гаспарова такой целостный прототипический образ высказывания получает название коммуникативного контура высказывания (Гаспаров 1996). Этот образ носит не жесткий и четкий, а контурный, эскизный характер. Он имеет коммуникативную окрашенность, определенный тематический и жанровый потенциал употребления и включает в себя ритмико-интонационный образ, опорные выражения (реальные фразы-прецеденты разной степени неполноты и приближенности) и композиционные лакуны (размытые, не вполне воплощенные участки высказывания, в которых проглядывает, с разной степенью отчетливости, притягиваемый ими языковой материал). Обращается внимание на тот факт, что данные единицы могут быть членимыми с точки зрения морфо-синтаксических параметров метаязыковой модели, но не расчленимыми и целостными с точки зрения того, как говорящие представляют себе этот отрезок языковой ткани и обращаются с ним. Единицы такого рода, будучи «коммуникативно заряженными частицами языковой ткани», различаются объемом, фактурой, разной степенью отчетливости и законченности и хранятся в памяти «в полуплавленном, ассоциативно подвижном, текучем состоянии» (Гаспаров 1996: 104). Это могут быть «осколки» словоформ, «форма которых не обязательно соответствует морфемному членению» (Гаспаров 1996: 120); «отдельные словоформы, каждая в окружении целого поля более или менее очевидных сочетательных возможностей; готовые словесные группы, в каждой из которых просматриваются различные возможности модификации, расширения, усечения, замены отдельных элементов; синтактико-интонационные фигуры, лишь частично заполненные отдельными опорными словами, в окружении целых полей словоформ и словосочетаний, пригодных для их полного воплощения *целые готовые реплики-высказывания* (опять-таки с возможностями их модификации); *различные риторические «жесты»*, за которыми проглядывают более крупные речевые блоки и даже *целые тексты*, ассоциируемые с такими «жестами»; наконец, *отдельные куски текстов и речений*, устных или письменных, прозаических и поэтических, относящихся к различным сферам и жанрам языкового существования, которые говорящий помнит с разной степенью отчетливости – будь то точное знание наизусть, или при-

близительное, размываемое лакунами воспоминание, или смутный, едва просвечивающий в памяти образ” (Гаспаров 1996: 104–105).

По своей сути представления Б.М. Гаспарова о природе единиц языковой памяти согласуются с психолингвистическим/когнитивным взглядом на эту проблему. Ср., например, идеи А.А. Залевской о принципах организации единиц речевого опыта, среди которых называется наличие “расплывчатых” множеств с нечеткими границами и взаимопересечением по разнообразным основаниям (Залевская 2003). Ссылаясь на свидетельства П. Ладегоффа, Е.С. Кубрякова писала: “В каком-то смысле можно утверждать известный приоритет целостного восприятия и целостного хранения, а также целостного извлечения из памяти готовых единиц номинации, даже тех, которые для говорящих сами по себе легко разлагаются на части и членятся” (Кубрякова 1991: 136). Мы согласны с И.Н. Щекотихиной, которая полагает, что данное утверждение справедливо не только по отношению к единицам номинации, но и к образованиям коммуникативного характера разной степени сложности организации (см. Щекотихина 2017).

Сегодня воспроизводимость успешно изучается представителями лингвокультурологии, которые в центр внимания ставят не столько сами воспроизводимые единицы (языка и дискурса), но и те знаки “языка” культуры, “телами” которых данные единицы служат, те смыслы, которые за ними стоят (см. работы В.Н. Телия (см. например, Телия 2004) и представителей ее школы, например, *Большой фразеологический словарь* 2006, *Словарь и грамматика лингвокультуры* В.В. Красных 2016 и *Словарь лингвокультурологических терминов* М.А. Ковшовой и Д.Б. Гудкова 2018). Единицей анализа в таком случае является единица лингвокультуры, означающим которой является тело знака естественного языка, означаемым – знак “языка” культуры.

Психолингвокультурологический подход, который предлагает В.В. Красных, с опорой на этнопсихолингвистику и лингвокультурологию, позволяет предположить, что когнитивной основой воспроизводимости может быть признан образ, под которым понимается результат максимального сгущения первоначального представления, образно-эмоционально-смысловая свертка “ментальной картинки”, формирующейся на основе эмоционально-образного восприятия информации, поступающей по одному или нескольким сенсорным каналам (Красных 2016: 126). В.В. Красных выдвигает гипотезу, суть которой сводится к тому, что именно образ создает основы и основания для феномена воспроизводимости. Данная гипотеза требует, по мнению автора, дополнительных исследований, подтверждающих или опровергающих ее.

Мы полагаем, что в основе воспроизводимости действительно лежит образ, который связан в сознании носителей языка с культурными установками, о которых пишут В.Н. Телия, В.В. Красных, М.Л. Ковшова, но не менее значимыми факторами являются коммуникативная стратегия говорящего и культурно-коммуникативная компетенция слушающего, его желание и способность инферировать то, что имеет в виду говорящий. В этой связи уместно будет упомянуть когнитивно-дискурсивную модель актуализации смысла пословицы в дискурсе, предлагаемую автором данной статьи (см. Абакумова 2012), которая включает коммуникативную, когнитивную, экспрессивную и регулятивную составляющие.

Инстанциальное употребление фразеологических единиц, а в нашем случае и паремииологических, представляет собой безграничный ресурс для творческой деятельности говорящего и/или пишущего человека в рамках культуры. А. Насиционе (Nacisione 2001) выделяет основные модели инстанциального употребления фразеологизмов в художественном тексте, основанные на таких характеристиках текста, как когезия и когерентность: развернутая метафора, каламбур, расщепление, аллюзия. Полагаем, эти модели актуальны и для пословиц.

3. Воспроизводимость пословиц в художественном тексте (на материале стихотворения-притчи В. Высоцкого *Правда и Ложь*)

Рассмотрим возможности воспроизведения структуры и семантики паремических единиц при восприятии художественного текста на материале стихотворения-притчи В. Высоцкого *Правда и Ложь*. Обратимся к анализу текста и тех образов, которые лежат в основе воспроизводимости и языковых единиц и смыслов в данном контексте. В песне аллегорически представлены отношения между двумя феноменами, которые на бытовом уровне вызывают у читателя с одной стороны, аллюзии с притчей XIX века, а с другой – с пословичными текстами русского и зарубежного фольклора.

Правда и Ложь

Нежная Правда в красивых одеждах ходила,
Принарядившись для сирых, блаженных, калек.
Грубая Ложь эту Правду к себе заманила, –
Мол, оставайся-ка ты у меня на ночлег.

И легковёрная Правда спокойно уснула,
Слюни пустила и разулыбалась во сне.
Хитрая Ложь на себя одеяло стянула,
В Правду впилась и осталась довольна вполне.

И поднялась, и скроила ей рожу бульдожьёю, –
Баба как баба, и что её ради радеть?
Разницы нет никакой между Правдой и Ложью,
Если, конечно, и ту и другую раздеть.

Выплела ловко из кос золотистые ленты
И прихватила одежды, примерив на глаз,
Деньги взяла, и часы, и ещё документы,
Сплюнула, грязно ругнулась и вон подалась.

Только к утру обнаружила Правда пропажу
И подивилась, себя оглядев делово, –
Кто-то уже, раздобыв где-то чёрную сажу,
Вымазал чистую Правду, а так – ничего.

Правда смеялась, когда в неё камни бросали:
– Ложь это всё, и на Лжи – одеянье моё!..
Двое блаженных калек протокол составляли
И обзывали дурными словами её.

Стервой ругали её и похуже, чем стервой,
Мазали глиной, спустили дворового пса:
– Духу чтоб не было! На километр сто первый
Выселить, выслать за двадцать четыре часа.

Тот протокол заключался обидной тирадой,
(Кстати, навесили Правде чужие дела):
Дескать, какая-то мразь называется Правдой,
Ну а сама, вся как есть, пропилась догола.

Голая Правда божилась, клялась и рыдала,
Долго болела, скиталась, нуждалась в деньгах.
Грязная Ложь чистокровную лошадь украла
И ускакала на длинных и тонких ногах.

Впрочем, легко уживаться с заведомой ложью,
Правда колола глаза и намаялись с ней.
Бродит теперь, неподкупная, по бездорожью,
Из-за своей наготы избегая людей.

Некий чудак и поныне за Правду воюет, –
Правда, в речах его – правды на ломаный грош:
– Чистая Правда со временем восторжествует,
Если проделает то же, что явная Ложь.

Часто разлив по сто семьдесят граммов на брата,
Даже не знаешь, куда на ночлег попадёшь.
Могут раздеть – это чистая правда, ребята!
Глядь, а штаны твои носит коварная Ложь.
Глядь, на часы твои смотрит коварная Ложь.
Глядь, а конём твоим правит коварная Ложь.

Первый куплет песни уже содержит языковые единицы, которые заставляют русскоязычного читателя вспоминать традиционные тексты пословиц: *Правда краше солнца; Правда-матушка светла живет, ложь под тыном прячется; Устами младенцев да юродивых глаголет истина; Птицу кормом, а человека словом обманывают.*

Нежная Правда в красивых одеждах ходила,
Принарядившись для сырых, блаженных, калек.
Грубая Ложь эту Правду к себе заманила, –
Мол, оставайся-ка ты у меня на ночлег

В европейском фольклоре 19 века Ложь встречает Правду на улице в жаркую погоду и предлагает ей искупаться в колодце, а потом ворует ее одежду и скрывается из виду. С тех пор Правда ходит голой по миру. Высоцкий переносит действие в современную ему действительность (1977 г.) и использует для передачи своего главного послания читателю бытовую ситуацию обмана доверчивого человека бессовестным подлецом, подчеркивая таким образом отсутствие веры и нравственности в обществе.

И легковерная Правда спокойно уснула,
Слюни пустила и разулыбалась во сне.
Хитрая Ложь на себя одеяло стянула,
В Правду впилась и осталась довольна вполне.

Второе четверостишие вызывает в памяти пословицу *Правда истомилась, лжи покорилась*, а также *Ложь Правду не любит*.

И поднялась, и скроила ей рожу бульдожьей, –
Баба как баба, и что её ради радеть?
Разницы нет никакой между Правдой и Ложью,
Если, конечно, и ту и другую раздеть.

Образ собаки наделяется в славянских народных представлениях двойственной символикой и различными демоническими функциями. Собака как домашнее животное метафорически соотносится с диким

зверем волком, выступает его символическим соответствием. Наряду с известными быличками о заклятии колдуном человека на определенный срок в волка существуют и рассказы о превращении его в собаку. В сербской легенде волк создан дьяволом. В белорусской корильной песне с бесхвостым псом сравнивают холостого мужчину. Русские считают собаку животным нечистым. Символическая амбивалентность собаки проявляется и в ее роли в русских легендах: по одной, она создана Богом из грязи, которой дьявол обмазал сотворенного Богом человека, чтобы охранять его от дьявола; по другой – она была стражем на границе ада и рая (*Славянская мифология* 2002: 440).

Выплела ловко из кос золотистые ленты
И прихватила одежды, примерив на глаз,
Деньги взяла, и часы, и ещё документы,
Сплюнула, грязно ругнулась и вон подалась

Волосы в народных представлениях – средоточие жизненных сил человека. Они символизируют множество, богатство, изобилие, счастье. Непокрытые женские волосы могут принести вред людям, хозяйству, урожаю (*Славянская мифология* 2002: 88). Ситуация кражи вызывает в памяти следующие пословицы: *Кто лжет, тот и крадет; Врун, так и обманщик, обманщик, так и плут, плут, так и мошенник, мошенник, так и вор; Лжа что ржа: тлит; Ложь света боится; У лжи длинные ноги.*

Только к утру обнаружила Правда пропажу
И подивилась, себя оглядев делово, –
Кто-то уже, раздобыв где-то чёрную сажу,
Вымазал чистую Правду, а так – ничего.

В русской традиции черным цветом мазали ворота нечестной девушки. В сознании по ассоциации возникает пословица: *Клевета что уголь: не обожжет, так замазает; Добрая слава лежит, а худая далеко бежит; Как себя ни поведешь, от напраслины не уйдешь.*

Правда смеялась, когда в неё камни бросали:
– Ложь это всё, и на Лжи – одеянье моё!..
Двое блаженных калек протокол составляли
И обзывали дурными словами её.

У верующих христиан сразу возникает цитата из Библии: Кто без греха, пусть первым бросит в нее камень. В славянском фольклоре находим следующие пословицы и речения: *Правда суда не боится; Правда сама*

себя хвалит и величает; Правда права сама собой; Ложь в правду рядилась; Где не выслушивают, там правда пропадает; Брань, Ложь Правду не любят.

Стервой ругали её и похуже, чем стервой,
 Мазали глиной, спустили дворового пса:
 – Духу чтоб не было! На километр сто первый
 Выселить, выслать за двадцать четыре часа.
 Тот протокол заключался обидной тирадой,
 (Кстати, навесили Правде чужие дела):
 Дескать, какая-то мразь называется Правдой,
 Ну а сама, вся как есть, пропилась догола.

Мазать глиной имеет те же негативные ассоциации и коннотации, что и черная сажа. Об амбивалентности образа собаки мы уже писали выше. *Сто первый километр* и *выслать за двадцать четыре часа* имеют отношение к определенному периоду нашей истории, когда люди подвергались гонениям и репрессиям за неуютное поведение без доказательства вины. Есть и подходящая поговорка этого периода: *За Правду-матку ссылают на Камчатку; Ходит и правда в кандалах.*

Голая Правда божилась, клялась и рыдала,
 Долго болела, скиталась, нуждалась в деньгах.
Грязная Ложь чистокровную лошадь украла
 И ускакала на длинных и тонких ногах.

В данном четверостишии используются устойчивые выражения в базовой форме *Голая Правда* и *Грязная Ложь*, которые противопоставлены как антонимы. Заслуживает внимания образ лошади, коня, который, как и образ собаки, имеет амбивалентную символику. Характерен общеславянский фольклорный мотив образа вещего коня, предсказывающего смерть своему хозяину. Конь, лошадь в народной традиции – одно из наиболее мифологизированных животных, воплощение связи с миром сверхъестественного, “тем светом”, атрибут мифологических (эпических) персонажей (*Славянская мифология* 2002: 245). Наиболее известные поговорки, связанные с этим отрывком: *Хороша Правда, да не перед людьми; Правда не стоит, а по миру ходит; Правда в лаптях, а Кривда в сапогах; У Лжи ноги длинные; От молвы не уйдешь.*

Впрочем, легко уживаться с заведомой ложью,
 Правда колола глаза, и намаялись с ней.
 Бродит теперь, неподкупная, по бездорожью,
 Из-за своей наготы избегая людей.

В инстанциональной форме здесь представлены следующие пословицы, которые легко опознать: *Не плачь по Правде, обживайся с Кривдой; Правда глаза колет; Правда ненависть родит; Правдой не обуешишься, правдой не оденешься. Была когда-то правда, да вся вышла.*

*Некий чудак и поныне за Правду воюет, –
Правда, в речах его – правды на ломаный грош:
– Чистая Правда со временем восторжествует,
Если проделает то же, что явная Ложь.*

В этом четверостишии опять встречаем инстанциональную форму пословицы, но смысл ее меняется на противоположный, благодаря замене оценочной именной группы *истый герой* на *некий чудак* (Ср. *Кто за Правду горой, тот истый герой*). Другая пословица также использована в инстанциональной форме, поскольку наречие *всегда* заменяется на *со временем* (Ср. *Правда всегда восторжествует*), и простое предложение превращено в сложное с придаточным условия (...если проделает то же, что явная Ложь).

*Часто разлив по сто семьдесят граммов на брата,
Даже не знаешь, куда на ночлег попадёшь.
Могут раздеть – это чистая правда, ребята!
Глядь, а штаны твои носит коварная Ложь.
Глядь, на часы твои смотрит коварная Ложь.
Глядь, а конём твоим правит коварная Ложь.*

В последних строках стихотворения-притчи обычно передается мораль, главное послание автора читателю. Эти шесть строк содержат аллюзии на следующие пословицы: *Правда свята, а мы люди грешные; Всяк человек ложь, и мы то ж; Правда к Петру и Павлу ушла, а Кривда по земле пошла; Свет спокон веку неправдой стоит*. Завершает песню-притчу образ коня, амбивалентную символику которого мы уже отмечали. Конь в данном контексте символизирует связь с “тем светом” и знанием Судьбы человека, который не должен доверять людям, но рассчитывать только на себя.

Анализ стихотворения-притчи с позиций модели КДМ можно представить следующим образом:

Коммуникативная составляющая: автор стихотворения использует собственно-коммуникативное действие, рассчитанное на взаимопонимание и совместную последующую деятельность: он хочет заставить читателя задуматься о состоянии нравственности в обществе. Фокусом ин-

тереса говорящего являются образы Правды и Лжи, представленные в виде аллегорических персонажей.

Когнитивная составляющая: наложение трех типов фреймов и развертывание пословичного сценария.

Образный фрейм (фреймы) представляют динамическую ситуацию, в центре которой находятся персонифицированные образы Правды и Лжи, находящиеся в отношениях оппозиции.

Обобщенный фрейм представляет отношения между двумя сущностями, связанными между собой, но одна из них обладает определенным свойством, а другая нет, поэтому первая сущность предпочтительнее второй. См. 4ю модель по классификации Г.Л. Пермякова (Пермяков 1975).

Окказиональный фрейм представлен в данном контексте бытовыми отношениями мужчины и женщины, в которых мужской персонаж проявляет неприемлемые в обществе качества: обманывает и обкрадывает беззащитную женщину.

Экспрессивная составляющая связана с выражением аксиологической модальности с отрицательной оценочностью и констатацией фактов обмана и кражи.

Регулятивная составляющая указывает на нарушение принятых в данной культуре этических норм социального поведения и содержит рекомендации: Следует узнавать и ценить Правду в любом обличи и избегать и/или быть готовым противостоять Лжи.

4. Выводы

Таким образом, способность человека целостно воспринимать языковые/речевые факты создает возможность их целостного хранения в памяти для последующего извлечения и использования в виде готовых “блоков”, “образцов-стереотипов”, символов и эталонов. Свойство воспроизводимости может реализовать себя в разной степени: от реализации максимального набора признаков фрагмента языкового опыта (в единстве формы, содержания, функции) до использования каких-либо признаков в качестве порождающей основы для различных речемыслительных операций.

Анализ текста показал использование и развитие четырех типов моделей изменения базовой формы пословицы в художественном тексте: развернутая метафора получила форму аллегории, каламбур имел место в двух случаях через лексические замены, которые привели к измене-

нию смысла на противоположный, расщепление структуры пословицы также встречалось около двух раз, доминирующую роль играла аллюзия как наиболее частотный способ воспроизведения пословиц в данном тексте. В основе воспроизводимости лежат культурно-детерминированные образы Правды и Лжи, противоречивая оценка которых представлена амбивалентными символами коня и собаки.

Библиография

- Абакумова, Ольга Б. 2012. *Пословицы в языке, сознании и коммуникации*. Санкт-Петербург: Издательский центр «Алеф-Пресс».
- Адмони, Владимир Г. 1994. *Система форм речевого высказывания*. Санкт-Петербург: Российская Академия наук. Институт лингвистических исследований.
- Баранов, Анатолий Н., Добровольский, Дмитрий О. 2010. *Классификация фразеологизмов: новый взгляд на классическую проблему*, в: *Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и в говорах*. – Орел: Изд. ОГУ, 2010. 80–87.
- Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий*. 2006. Отв. ред. В.Н. Телия. 2 изд.-е. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА (Фундаментальные словари).
- Гаспаров, Борис М. 1996. *Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования*. Москва: Новое литературное обозрение. Вып. IX.
- Жуков, Влас П. 1991. *Предисловие к Словарю русских пословиц и поговорок*. Москва: Русский язык.
- Залевская, Александра А. 2003. *Языковое сознание и описательная модель языка. В: Методология современной психолингвистики*. Москва–Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета.
- Ковшова, Мария А., Гудков, Дмитрий Б. 2018. *Словарь лингвокультурологических терминов*. Москва: Гнозис.
- Красных, Виктория В. 2016. *Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии*. Москва: Гнозис.
- Кубрякова, Елена С. 1991. *Особенности речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона*. В: *Человеческий фактор в языке и речи: Язык и порождение речи*. Москва: Наука. 82–140.
- Пермяков, Григорий А. 1975. *К вопросу о структуре паремиологического фонда*. В: *Типологические исследования по фольклору*. Москва: Наука. 247–274.
- Савенкова, Людмила Б. 2002. *Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты*. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета.
- Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. 2002. Отв. ред. С.М. Толстая. Изд. 2-е. Москва: Международные отношения.

- Телия, Вероника Н. 2004. *Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов*. В: *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой*. Отв. ред. Ю.Д. Апресян. Москва: Языки славянской культуры.
- Щекотихина, Ирина Н. 1996. *Воспроизводимость текста (на материале русского и английского языков)*: дис. канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. Орел.
- Щекотихина, Ирина Н. 2017. *О понятии “воспроизводимость” (размышления двадцать лет спустя)*. В: *Вестник Орловского государственного университета*. Серия: Новые гуманитарные исследования. № 1. 82–88.
- Швец, Наталия О. 2005. *Роль языка в структурировании знания*: дисс. кандидата филолог. наук. 10.02.19. Тверь.
- Янко, Татьяна Е. 1995. *Клишированные коммуникативные структуры, в: Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии*. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН.
- Naciscione, A. 2001. *Phraseological Units in Discourse: towards applied stylistics*. Riga: Latvian Academy of Culture.
- Norrik, Neal R. 1994. *Proverbial Perlocutions: How to Do Things with Proverbs, in: Wise Words: Essays on the Proverb*. – New York: Garland Publishing. 143–157.

Reproducibility of semantics and structure of proverb in the text of fiction

Summary

The paper deals with reproducibility of proverbs in fiction. Different views exist on the problem of reproducibility and language status of proverbs: some scholars consider them to be precedent texts, others indicate them as precedent utterances. But language status does not matter much when proverbs are analyzed from the point of view of their usage and functioning in the text/discourse. The author offers theoretical analysis of points of view on the nature of reproducibility and discusses the reproducibility of proverbs in the poem by Vladimir Vysotsky “Truth and Lie”. The author makes use of her cognition-discourse model of proverb’s sense actualization in discourse and comes to the following conclusion. Some elements of proverb’s semantics and structure, mostly figurative predicative or attribute combinations when intentionally repeated in the suitable contexts of the text of fiction, call forth certain culturally determined images and frames in the minds of native speakers, that cause to restore the whole base forms of the proverbs due to their precedent nature, symbols and deontic norms typical of certain culture. The amount of proverbs a person is able to recall depends on his or her cultural competence and knowledge of folklore.